

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АРХЕОЛОГИИ КОЧЕВНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI–IX ВВ.

ОЛЕКСІЙ В. КОМАР*

Absztrakt: A Fekete-tenger északi partja menti füves sztyeppen lakó nomád népek történetében a hun egység 5. századi felbomlásakor feltűnt bolgárok alapvető szerepet játszottak abban, hogy az itt élő népségek a letelepedés irányába mozdultak el. Érdekes, hogy a bolgárokat előbb a szármataik leszármazottaiként, majd a hun egység történeti, etnikai maradványaként értékelték. A bolgárok a 7. század közepére, Kuvrat idejében az avar fennhatóság lerázásával megteremtették a korai államiséghez szükséges egységet, Magna Bulgariát. A Kazár Kaganátussal foglalkozó régészeti munkákban a bolgárok és az alánok a szaltovói kultúra letelepült népességének többségét alkották a 8–10. században. Mindeközben csekély szerep jutott maguknak a kazároknak a Kaganátusban, pusztán a „parazita vezető réteg” személyében. Ennek analógiájaként említhető, hogy Délkelet-Európa avar és türk megszállásának sem tulajdonított nagy jelentőséget a kutatás.

Kulcsszavak: Kelet-európai sztyepp, bolgárok, kazárok, szaltovói kultúra, magyar őstörténet

ВВЕДЕНИЕ

Раннесредневековая номадистика Восточной Европы получила в наследие от историографии советского периода несколько важных аксиоматических постулатов, следовавших из общей теории советской исторической науки.

1. Автохтонизм. Вне зависимости от конкретных исторических обстоятельств, процессы миграции всегда приводили не к полному вытеснению населения, а лишь его поглощению мигрантами, что находило отражение и в непрерывности развития археологических культур степи.

2. Полиэтничность кочевнических объединений, обязательно подразумевающая мультикультурность.

3. Ведущей производительной силой древних эпох всегда оставалось оседлое население, которое и генерировало основные культурные признаки археологи-

ческой культуры, лишь заимствуемые и потребляемые кочевниками.

4. Прочное освоение кочевниками новой территории неминуемо приводило к процессам оседания кочевников на землю, образованию сначала временных, а затем стационарных поселений с могильниками, и в завершающей стадии – городов.

На этих постулатах базировались работы ведущих исследователей истории и археологии восточноевропейских степей раннесредневековой эпохи советского периода – М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, Н. Я. Мерперта, С. А. Плетневой, А. В. Гадло, И. А. Баранова и др.

Развитие кочевых народов северопричерноморской степи с момента распада объединения гуннов в сер. V в. в исторической модели виделось, как поступательное в направлении от кочевого до оседлого, а ос-

* Институт археології НАН України, Київ-210, проспект Героїв Сталінграда, 12. akomar@mail.ru

новная роль отводилась племенам болгар, поначалу воспринимавшихся как потомки сарматов, затем как осколок гуннского объединения. В середине VII в. консолидация болгарских племен вокруг вождя Кубрата (Курта) привела к восстанию против авар и образованию собственного раннегосударственного объединения – Великой Булгарии, очень быстро, впрочем, подчиненной родственным болгарам племенем хазар. В составе Хазарского каганата, как следовало из работ археологов, болгары вместе с аланами составляли большинство оседлого населения салтовской культуры, тогда как собственно хазарские памятники VIII–X вв. не выделялись, что объяснялось малой ролью хазар в каганате лишь как „паразитирующей верхушки”. Аналогично не придавалось значение эпизодам подчинения юга Восточной Европы аварам и тюркам.

Проблемы археологического плана включали не только отсутствие памятников хазар VIII–X вв., но также до 80-х гг. XX в. ничего не было известно о погребениях венгров эпохи переселения IX в., не были достоверно выделены памятники кочевников второй пол. V – первой пол. VI вв., погребения второй пол. VI – первой пол. VII в. были представлены лишь единичными погребениями, а памятники сер. VII – нач. VIII в., выделенные М. И. Артамоновым в перещепинскую культуру, соотносились разными исследователями с хазарами, болгарам и тюрками. Отсутствие археологической подосновы Великой Булгарии заставляло предполагать альтернативный вариант решения проблемы поиска археологических памятников болгар – путем соотнесения с ними лесосепных поселений пеньковской и волынцевской культур, Пастырского городища, кладов с пальчатыми фибулами, относимых археологами-славистами к культуре славян.

В 80-х гг. XX в. были выделены памятники типа Сивашовки с поясами геральдического стиля, для которых, вопреки хронологической схеме А. К. Амброза, была предложена дата ранее горизонта Пе-

рещепины (Р. С. Орлов и П. Шомоди). Сам же Перещепинский комплекс был датирован Й. Вернером ок. 650 г. и отождествлен с погребением вождя Великой Булгарии Кубратом. Справедливость таких датировок была немедленно подвергнута сомнению хронологической схемой А. И. Айбабина, созданной на материалах закрытых комплексов Крыма, но гипотеза Й. Вернера приобрела широкую популярность в среде исследователей истории и археологии болгар. Отнесению памятников типа Перещепины к культуре болгар способствовало и выделение кочевнических памятников типа Соколовской Балки с византийскими монетами VIII в., отождествлённых А. И. Семеновым с хазарами. Также в 80-х гг., после открытия новых разрушенных и раскопанных погребений из Субботцев, Манвеловки и Коробчино, впервые были рельефно выделены степные погребения IX–X вв., связываемые с культурой древних венгров.

Указанные историографические направления активно развивались и в 90-е гг. в работах С. А. Плетневой, Ч. Балинта, Р. Рашева, З. А. Львовой, И. О. Гавритухина, А. В. Богачёва, О. М. Приходнюка и др. исследователей.

В последние 15 лет основными тенденциями в исследованиях памятников кочевников юга Восточной Европы стали дробная хронологизация памятников и активная дискуссия по этому поводу; переход от фазы синтеза разнородных памятников к фазе их детального анализа; постепенный отказ от этнической номенклатуры в атрибуциях памятников в пользу «нейтральных» археологических названий типов. В историческом плане повысилась роль восприятия процессов в степи в русле миграционизма, гораздо больше внимания стало уделяться государственным объединениям кочевников – Тюркскому и Хазарскому каганатам; а также в качестве важного фактора, влиявшего на исторические процессы, используется изменения природно-климатической ситуации.

КЛИМАТ

В эмоциональной речи послов вождя Сандилха перед византийским послом Юстиниана утигуры жаловались, что живут в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной. Природа действительно не благоприятствовала кочевникам в VI–VII ст. Возрастающая аридизация климата вызвала накопление солей в почве, засоление небольших водоемов и угнетение растительности. Поэтому степи Восточной Ев-

ропы VI–VIII вв. по характеристикам были ближе к полупустынным условиям. Хозяйственный кризис вызвал кризис демографический, и именно поэтому количество известных археологических памятников кочевников VI–VII вв. в этом регионе крайне мало, и совершенно не может сравниться со степенью заселенности степи в скифский, сарматский или половецко-золотоордынский периоды.

ПАМЯТНИКИ ТИПА ЛИХАЧЁВКИ

Материальная культура огурских племен конца V – первой пол. VI в. представлена памятниками типа Лихачевки – впускными подкурганскими погребениями с северной ориентировкой, но, в отличие от гуннского и последующего периодов, обычно без сопровождающих костей коня или его снаряжения, а также без оружия (Лихачевка, Ново-Подкраж, Старая Сарата, Абганерово). В погребениях отмечены берестяные гробовища, у головы обычно располагали лепной горшок или кувшин, на покойнике находились пряжки от пояса или обувных ремешков, иногда нож. В женских погребениях (Лихачевка, Старая Сарата) также найдены сережки, янтарное ожерелье, пряслице. Небольшое количество предметов в погребениях свидетельствует, что болгары подходили к погребальному обряду довольно прагматически. Одновременно, именно эта особенность и делает трудной задачу выделения рядовых огурских погребений из массы безинвентарных. Памятники типа Лихачевки не были явлением строго северопричерноморским, о чем свидетельствует полностью аналогичное по обряду и инвентарю п. 1 к. 1 Абганерово V из Нижнего Поволжья, из ареала проживания племени огузов. Поэтому есть основания рассматривать лихачевский тип не как культуру одного из огурских племен – кутригуров, а как куль-

турный тип, отражающий в целом культуру племен огурского союза второй пол. V – первой пол. VI в. В Северном Приазовье у д. Белояровка обнаружен также клад золотых неполновесных византийских монет (546/547 гг. чеканки), появление которого несомненно связано с событиями кутригуро-утигурской усобицы.

Характерные особенности оформления некоторых предметов из погребений лихачевского типа (в частности, калачевидные серьги с ребром посередине) указывают, что по происхождению данная группа кочевников была связанной с регионом Восточного Приаралья и Южного Урала. Среднеазиатские традиции отражает и характерная антропологическая черта огузов – кольцевая искусственная деформация черепа. Но археология свидетельствует против гуннского происхождения огурских племен, которые, в отличие от населения Среднего Поволжья, не сохранили гуннских традиций в материальной культуре. Украшения узды в полихромном стиле обнаружены в зоне проживания огурских племен пока только в разрушенном комплексе из Сахарной Головки, но и форма деталей, и их декор указывают уже на традиции инкрустации VI в. Приуралья (Бирский могильник) и Северного Кавказа.

Группа кочевнического населения, оставившая в Поволжье синхронные памятники

ки типа Шипово (вторая пол. V – первая пол. VI в.), была родственной как кочевникам гуннского союза, так и новопривышим огурским племенам, которые, очевидно, и потеснили данную группу на север. Погребения подкурганые основные, совершены по обряду ингумации с северной ориентировкой. Здесь наблюдается сохранение в погребениях рамчатых гробовищ, костей коня и его снаряжения, костей барана, а также дальнейшее развитие стиля гуннских вещей – диадем, серег, обкладок седла. В погребениях встречаются оружие – наконечники стрел; разнообразные украшения – браслеты, гривны; предметы туалета – зеркала, и быта – пряслица. Отмечен обычай искусственной деформации черепа. Эта группа традиционно включается в состав древностей гуннского объединения, но речь идет всего лишь о потомках кочевников, пребывавших ранее в составе гуннского объединения.

Третья группа кочевников второй пол. V – нач. VI в. выявлена ещё севернее – в рай-

оне Острой Луки Дона возле совр. Воронежа (Животино, Ксизово и др.). Здесь были открыты несколько бескурганых могильников с отдельными погребениями лошадей. Комплекс деталей пояса, обуви и вооружения в целом европеизирован и близок культуре германцев, но обычай деформирования черепа, ритуальное нарушение скелетов, бронзовые зеркала и т.п. детали обнаруживают близость к кочевническому миру. Присутствует и гончарная посуда, связанная по происхождению с Восточным Причерноморьем. По мнению А. М. Обломского, с данными памятниками также связаны поселения славянских и позднеантичных переселенцев Острой Луки, а причиной образования такого анклава в лесостепи было устройство центра одного из кочевнических объединений сер. V в. Письменные источники позволяют локализовать в данном регионе только одно объединение – акациров, действительно противостоявшее в 40-х гг. V в. гуннам, а после 463 г. разбитого огурскими племенами.

ПАМЯТНИКИ ТИПА СУХАНОВО

Во второй пол. VI – нач. VII в. Северное Причерноморье продолжало принадлежать утигурам, а степи Нижнего Поволжья – огурам. Здесь обнаружены немногочисленные погребения типа Суханово, по обряду близкие к памяткам типа Лихачевки. Они преимущественно осуществлены в курганах скифского времени или эпохи бронзы, есть и безкурганые. Усложняются типы погребальных ям: появляются ямы с заплечиками для перекрытия, ямы с подбоями; появляются решетчатые гробовища или носилки. Ориентация погребенных преимущественно головой на север. Их опускали в яму с правой (западной) стороны, ноги часто сведены в коленях или ступнях. Сохраняется обычай кольцевой искусственной деформации черепа.

Во всех погребениях типа Суханово обнаружены византийские пряжки, сре-

ди которых особенно выделяются пряжки типа Сучидава (Большой Токмак, Малая Терновка, Суханово), распространенные в среде византийских федератов, особенно в Подунавье. Они ярко свидетельствуют, что данная группа кочевников определенное время находилась в числе византийских федератов, которыми в 548–561 гг. в самом деле были утигуры. Но в погребении из Суханово такая пряжка сочеталась с золотыми украшениями среднеазиатского стиля. Подобное сочетание византийских и среднеазиатских золотых украшений наблюдаем и в разрушенном погребении возле г. Морской Чулек близ Таганрога, а также в серии разрушенных комплексов, о которых не имеется более детальной информации. Смешение стилей свидетельствует, что утигуры, накопив византийские украше-

ния, довольно быстро попали под влияние новой моды Тюркского каганата.

К началу VII в. тюркское влияние на болгарские племена усилилось и отразилось и в погребальном обряде – воинов снова, как и в гуннское время, начали сопровождать луком, а также черепом и шкурой коня, снятой с костями ног – символическими заменителями целого (Шелюги, Царев). Под византийским же влиянием в начале VII ст. в моду болгар входят поясные и обувные украшения геральдического стиля.

Наиболее ярко тюркское присутствие в Восточной Европе отражает ритуальный комплекс из Нижнего Подонья Ливенцовский VII (к.35), в котором под каменной выкладкой неправильной вытянутой формы обнаружен комплекс обожженных вещей, включавший предметы вооружения (наконечники стрел и копья, панцирные пластины, Р-образные скобы ножен), детали пояса и обуви, украшения узды, нож, фрагменты импортной византийской посуды. Из предметов особо показательны пластины пан-

цирного доспеха и ярусный наконечник стрелы, характерные для центральноазиатского региона.

Погребения сухановской традиции продолжают совершаться на юге Восточной Европы и позже, в сер. VII в. – Новоселки, Рисовое, Вилино, Таганский, Новопокровка, Дмитровка и др., но они обычно зачисляются к памятникам типа Сивашовки. От последних данная группа отличается строгой северной ориентировкой, положением скелета под правой стенкой ямы, наклоном головы влево, сомкнутыми ногами и др. признаками, характерными для памятников типа Суханово и Лихачевки, а также для праболгар Подунавья, т.е., в широком смысле отражающих погребальный обряд кочевых болгар. В то же время, ни по обряду, ни по антропологическому составу, это население не могло быть предками Волжских болгар, указывая на различные пути формирования болгарского этноса в раннем средневековье.

ПЕРЕЩЕПИНСКАЯ КУЛЬТУРА (ВТОРАЯ ПОЛ. VII – НАЧ. VIII В.)

Степную и частично лесостепную зону юга Восточной Европы во второй половине VII – в начале VIII ст. занимают памятники перещепинской культуры, состоящей из комплексов нескольких социальных рангов.

Памятники высшей знати репрезентуют ритуальные комплексы: тайно спрятанные в сопровождении костей жертвенных коней наборы золотых и серебряных вещей. Богатейший и ярчайший комплекс здесь находка из Малой Перещепины, принадлежавшая правителю кочевников. Скромнее по богатству комплекс из Вознесенки, представлявший, в то же время, большое ритуальное каменное сооружение подовальной формы. Такие поминальные сооружения – „куруки” – строили тюрки Восточного и Западного Тюркских каганатов для каганов и членов их семей из династии Ашина. Следующего социального

уровня были владельцы комплексов золотых и серебряных вещей с Келегеев, Новых Санжар, Ясинового, Макуховки, Лимаревки, Павловки.

Среди вещей из ритуальных комплексов перещепинской знати особо выделяются предметы византийского, сасанидского и тюрко-согдийского происхождения. Последняя группа – оружие, снаряжение коня, браслеты, сережки, нагрудные украшения, золотая и серебряная посуда – все эти предметы находят ближайšie аналогии в тюркских погребениях Алтая и на изображениях тюрков-нушиби 50–60-х гг. VII в. из дворца согдийских правителей в Афрасиабе. Впрочем, эти предметы присутствуют лишь в богатейших комплексах, подчеркивая, что собственно тюркское происхождение имели лишь представители ближайшего окружения хазарского кагана.

Обычную родовую знать и рядовое население перещепинской культуры представляют подкурганные и безкурганные погребения типа Сивашовки. Похороненные ориентированы головой в направлении восхода солнца, часто сопровождаются костями или целой тушей коня, барана, а также лепной посудой, ножом, огнивом, сложным луком со стрелами, реже – однолезвийным мечом. У знати (Виноградное, Портовое, Васильевка) пояс и обувь украшались серебряными деталями геральдического стиля с золотыми вставками с напаянной зерню. У рядовых кочевников такие детали были серебряными или бронзовыми. Деревянные блюда-столики на ножках, тюркские деревянные седла с „лопастями”, характер-

ные берестяные сагайдаки с „карманом” указывают на центральноазиатское происхождение населения, хотя его культура и выглядит заметно „европеизированной” на фоне культуры высшей знати. По погребальному обряду это население близко т.н. „телесским” погребениям с конем с восточной ориентацией, которые распространяются в Средней Азии вместе с экспансией I Тюркского каганата.

Таким образом, археология фиксирует этническую двоконпонентность населения перещепинской культуры, которая в целом соответствует представлениям о двуконпонентной „тюрко-телесской” структуре населения Западнотюркского и Хазарского каганатов.

Салтово-Маяцкая культурно-историческая общность (КИО)

Многокомпонентная этническая структура населения Хазарского каганата VIII–IX вв. выразилась в формировании обширной салтово-маяцкой культурно-исторической области, включавшей как целые локальные зоны культур (Крым, степное Подонечье, Нижнее Подонье), так и чересполосное существование памятников различных этносов (лесостепное Подонье), среди которых были ираноязычные аланы, тюркоязычные черные болгары и другие, пока не известные по имени племена, а также загадочное население, оставившее кремационные могильники, родственные по деталям обряда и инвентаря одновременно тюркам, адыгам и финно-уграм.

Памятники кочевников в рамках салтово-маяцкой КИО репрезентированы погребениями VIII в. соколовского, новинковского и уреньского типов. Для памятников типа Соколовской Балки, основной ареал распространения которых – между речью Дона и Волги, характерны невысокие курганные насыпи с подквадратной формой основания, окруженные подквадратными ровиками, подбойные, катакомбные или ямные погребения с западной или вос-

точной ориентировкой в сопровождении целого скелета коня или его шкуры, лепной или гончарной посуды, оружия (лук со стрелами, сабля, кистень), украшений пояса и сбруи. Памятники уреньского типа очень похожи, но расположены севернее Самарской Луки, среди них высокий процент северной ориентировки. В области же самой Самарской Луки локализируются новинковские памятники, для которых характерно наличие нескольких погребений под курганом, подпрямоугольные каменные выкладки под курганами или в их основании, а также восточная ориентировка погребенных. Основная масса скелетов погребений раннесалтовских курганов ритуально разрушена.

Антропологический анализ кочевнического населения Хазарского каганата показывает решительное преобладание монголоидных типов в составе носителей соколовского типа, смешанный европеоидно-монголоидный расовый тип у новинковцев и европеоидный с небольшой монголоидной примесью – у полуоседлого болгарского населения, оставившего салтовские памятники степной зоны.

Разработка хронологии комплексов салтовской КИО продемонстрировала, что хазарская проблема в салтовском контексте совершенно не исчерпана выделением памятников типа Соколовской Балки,

поскольку позднейшие из погребений данного круга датируются рубежом VIII–IX вв., тогда как среди погребений IX–X вв. хазары по-прежнему аргументированно не вычленены.

ПАМЯТНИКИ ТИПА СУББОТЦЕВ

Археологически переселение венгров к Поволжью связывали с появлением в Прикамье бескурганных Танкеевского и Больше-Тиганского могильников, откуда происходят характерные для венгров стили декора поясных и уздечных украшений, снаряжение коня, погребальные лицевые маски. Одиночные бескурганные погребения в 80-х гг. впервые были выделены и на юге Украины с наиболее ярким Субботцевским могильником.

Количество погребений рассматриваемого круга в последние годы резко выросло за счет археологических раскопок и введению в научный оборот ранее исследованных, но неверно атрибутированных комплексов. Субботцевский тип представлен подкурганными и бескурганными погребениями IX ст. с западной ориентировкой костяков, часто в сопровождении костей коня, поясных украшений с характерными мифологическими сюжетами, вооружения, снаряжения коня и гончар-

ной или серебряной посуды (Субботица, Манвеловка, Твердохлебы, Бабичи, Нововоронцовка, Коробчино, Орджоникидзе, Дмитровка). Отмечены также лицевые маски (Манвеловка) и лицевые покрытия с нашивками золотых пластинок на глаза и рот (Дмитровка). Тюркское влияние хорошо заметно в украшениях сбруи, вооружении (композитный лук, сабля), а также серебряной посуде хазарских и восточнотюркских форм (Коробчино, Манвеловка). Памятники несомненно синхронны салтовской КИО, но представляют совсем иной комплекс культуры, близкий Больше-Тиганскому могильнику в Поволжье, караякуповскими древностям Приуралья и могильнику Уелги в челябинском Зауралье. Генетическим продолжением культуры памятников типа Субботцев выступает культура венгров Подунавья X в., что позволяет уверенно отождествить кочевников – носителей типа Субботцев с древними мадьярами.

ЛИТЕРАТУРА

- AFANASZJEV 1993: Афанасьев, Г. Е.: *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона*. Москва 1993.
- AFANASZJEV 2001: Афанасьев, Г. Е.: Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? *Российская археология* 2001:2 (2001) 43–55.
- АЛБАВИН 1993: Айбабин, А. И.: Могильники VIII – начала X вв. в Крыму. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 3 (1993) 121–132.
- АЛБАВИН 1999: Айбабин, А. И.: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь 1999.
- АЛБАВИН 2006: Aibabin, A.: Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. In: *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Éd.: Zuckerman, C. Paris 2006, 31–65.

- AKSZJONOV 1999: Аксёнов, В. С.: Старосалтовский катакомбный могильник. *Vita Antiqua* 2 (1999) 137–149.
- AKSZJONOV–KRIGANOV–MINEJEV 1996: Аксёнов, В. С. – Крыганов, А. В. – Михеев, В. К.: Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника). In: *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Ред.: Ващенко, Л. Л. Київ 1996, 116–129.
- AKSZJONOV–MINEJEV 2006: Аксёнов, В. С. – Михеев, В. К.: Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. „Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” *Хазарский альманах* 5. Киев–Харьков 2006.
- AMBROZ 1971: Амброз, А. К.: Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *Советская археология* 1971:2 (1971) 96–123.
- AMBROZ 1971a: Амброз, А. К.: Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *Советская археология* 1971:3 (1971) 106–132.
- AMBROZ 1981: Амброз, А. К.: Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половине VIII в. In: *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1981, 10–23.
- AMBROZ 1982: Амброз, А. К.: О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации. In: *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков*. Ред.: Амброз, А. К. – Эрдели, И. Ф. Москва 1982, 204–222.
- ARTAMONOV 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Москва–Ленинград 1962.
- ARTAMONOV 1990: Артамонов, М. И.: Первые страницы русской истории в археологическом освещении. *Советская археология* 1990:3 (1990) 271–290.
- ATAVIN 1996: Атавин, А. Г.: Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья. In: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Отв. ред.: Стащенко, Д. А. Самара 1996, 208–264.
- BAGAUTGYINOV–BOGACSOV–ZUBOV 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачёв, А. В. – Zubov, С. Э.: *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара 1998.
- BARANOV 1990: Баранов, И. А.: *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура)*. Киев 1990.
- BEZUGLOV–NAUMENKO 2007: Безуглов, С. И. – Науменко, С. А.: Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону. In: *Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона 2*. Ред.: Гугуев, Ю. К. Москва–Иерусалим 2007, 73–84.
- ВОКИЙ–PLETNYOVA 1988: Бокий, Н. М. – Плетнева, С. А.: Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула. *Советская археология* 1988:2 (1988) 99–115.
- БОТАЛОВ 2009: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2009.
- FLJOROV 1993: Флёрков, В. С.: Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). In: *Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы 1*. Ред.: Круглов, Е. В. Волгоград 1993, 1–144.
- FLJOROV 1996: Флёрков, В. С.: *Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы*. Москва 1996.
- FLJOROV 2000: Флёрков, В. С.: *Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребённых*. Москва 2000.
- FLJOROVA 2001: Флёркова, В. Е.: *Образы и сюжеты мифологии Хазарии*. Иерусалим–Москва 2001.
- FLJOROVA–FLJOROV 2000: Флёркова, В. Е. – Флёрков, В. С.: Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения. In: *XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Кисловодск 2000, 137–141.
- GAVRITUHIN 2005: Гавритухин, И. О.: Хронология эпохи становления Хазарского

- каганата (элементы ременной гарнитуры). In: *Хазары*. Ред.: Петрухин, В. Москва–Иерусалим 2005, 378–426.
- GAVRITUHIN–OBLOMSJKI 1996: Гавритухин, И. О. – Обломский, А. М.: *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва 1996.
- IVANOV 2000: Иванов, А. А.: *Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья*. Автореф. канд. ист. наук. Волгоград 2000.
- IVANOV 2001: Иванов, А. А.: Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. In: *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма) 2*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2001, 118–131.
- IVANOV–KOPILOV–NAUMENKO 2000: Иванов, А. А. – Копылов, В. П. – Науменко, С. А.: Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала. *Донская археология* 2000:1 (2001) 81–90.
- КАЗАКОВ 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Булгарии*. Москва 1992.
- KOLODA 1999: Колода, В. В.: *Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э.* Харьков 1999.
- КОМАР 1999: Комар, А. В.: Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы. *Vita Antiqua* 2 (1999) 111–136.
- КОМАР 2001: Комар, А. В.: Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа. In: *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма) 2*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2001, 103–117.
- КОМАР 2002: Комар, А. В.: К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов. *Степи Европы в эпоху средневековья 2*. Донецк 2002, 11–45.
- КОМАР 2004: Комар, А. В.: Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. *Сугдейский сборник 1* (2004) 169–200.
- КОМАР 2006: Комар, А. В.: Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. *Степи Европы в эпоху средневековья 5*. Донецк 2006, 7–244, 413–432.
- КОМАР 2008: Комар, А. В.: Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе. In: *Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя*. Ред.: Ивакин, Г. et al. Київ 2008, 288–300.
- КОМАР 2008: Комар, А. В.: Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. *Сугдейский сборник 3* (2008) 87–117.
- КОМАР 2010: Комар, А. В.: К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья. In: *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2010, 169–206.
- КОМАР 2010: Комар, О. В.: Хозарський каганат і ранньосередньовічна номадістика: завершення епохи. In: *Археологія і давня історія України 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології*. Ред.: Толочко, П. П. Київ 2010, 137–143.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. In: *Археологія і давня історія України 7. Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Київ 2011, 21–78.
- КОМАР 2013: Комар, А. В.: Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII в. In: *Западный Тюркский каганат. Атлас*. Ред.: Досымбаева, А. – Жолдасбеков М. Астана 2013, 671–737.

- КОМАР—HARDAJEV 2012: Комар, А. В. — Хардаев, В. М.: Зачепиловский (“Новосанжарский”) комплекс рубежа VII–VIII вв. *Степи Европы в эпоху средневековья* 9. Донецк 2012, 243–296.
- КОМАР—KUBISEV—ORLOV 2006: Комар, А. В. — Кубышев, А. И. — Орлов, Р. С.: Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Донецк 2006, 245–374.
- KOVALEVSZKAJA 2000: Ковалевская, В. Б.: *Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии*. Москва 2000.
- KRASZILNYIKOVA 2001: Красильникова, Л. И.: Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Подончья VIII – нач. X в. *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Донецк 2001, 323–332.
- KRAVCSSENKO 2005: Кравченко, Э. Е.: Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время. *Степи Европы в эпоху средневековья* 4. Донецк 2005, 153–186.
- KRAVCSSENKO—DAVIGYENKO 2001: Кравченко, Э. Е. — Давыденко, В. В.: Сидоровское городище. *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Донецк 2001, 233–302.
- KRIGANOV 2012: Криганов, А. В.: *Військова справа кочевників Північного Причорномор'я кінця IV – початку XVIII століть*. Суми 2012.
- KRUGLOV 1990: Круглов, Е. В.: О подкурганых захоронениях калмыко-астраханских степей хазарского времени. In: *Вопросы археологии юга Восточной Европы*. Ред.: Эрдниев, У. Э. Элиста 1990, 159–171.
- KRUGLOV 1992: Круглов, Е. В.: Хазарские погребения в бассейне реки Иловли. *Советская археология* 1992:4 (1992) 176–183.
- KRUGLOV 2005: Круглов, Е. В.: Сложно-составные луки Восточной Европы раннего средневековья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 4. Донецк 2005, 73–142.
- KRUGLOV 2006: Круглов, Е. В.: Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени. *Нижневожский археологический вестник* 6 (2006) 257–301.
- LIMBERISZ—MARCSSENKO 2011: Лимберис, Н. Ю. — Марченко, И. И.: Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья. In: *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Ред.: Шаров, О. В. Санкт-Петербург—Кишинев 2011, 417–441.
- MAGOMEDOV 1983: Магомедов, М. Г.: *Образование Хазарского каганата*. Москва 1983.
- МАЙКО 2004: Майко, В. В.: *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев 2004.
- МАЙКО 2007: Майко, В. В.: *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев 2007.
- MARSAK—SZKALON 1972: Маршак, Б. И. — Скалон, К. М.: *Перецепинский клад*. Ленинград 1972.
- МАТВЕЕВА 1997: Матвеева, Г. И.: *Могильники ранних болгар на Самарской Луке*. Самара 1997.
- МІНЕЈЕВ 1985: Михеев, В. К.: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков 1985.
- ОБЛОМСКИЙ 2004: Обломский, А. М.: Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области. In: *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Ред.: Горюнова, В. М. — Щеглова, О. А. Санкт-Петербург 2004, 221–227.
- ORLOV 1985: Орлов, Р. С.: Культура кочевников IV–VIII вв. In: *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.* Ред.: Баран, В. Д. Киев 1985, 98–105.

- PLETNYOVA 1967: Плетнёва, С. А.: От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. *Материалы и исследования по археологии СССР* 146 (1967) 1–196.
- PLETNYOVA 1982: Плетнёва, С. А.: *Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей*. Москва 1982.
- PLETNYOVA 1989: Плетнёва, С. А.: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва 1989.
- PLETNYOVA 1990: Плетнёва, С. А.: Хазарские проблемы в археологии. *Советская археология* 1990:2 (1990) 77–91.
- PLETNYOVA 1996: Плетнёва, С. А.: *Саркел и «шиёлковый путь»*. Воронеж 1996.
- PLETNYOVA 1999: Плетнёва, С. А.: *Очерки хазарской археологии*. Москва–Иерусалим 1999.
- PLETNYOVA 2003: Плетнёва, С. А.: *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья – IV–XIII века*. Воронеж 2003.
- PRIHODNYUK 2001: Приходнюк, О. М.: *Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.)*. Київ–Чернівці 2001.
- RASEV 2004: Рашев, Р.: *Прабългарите през V–VII век*. София 2004.
- SZEMJONOV 1988: Семёнов, А. И.: К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 29 (1988) 97–111.
- SZEMJONOV 1991: Семёнов, А. И.: Византийские монеты келегейского комплекса. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 31 (1991) 121–130.
- SZEMJONOV 1997: Семёнов, А. И.: К оценке различий погребального обряда курганных захоронений типа Сивашёвки и типа Соколовской балки. In: *Древности Кубани*. Ред.: Пьянков А. В. et al. Краснодар 1997.
- SZOKROVISCSEA HANA KUBRATA 1997: *Сокровища хана Кубрата*. Санкт-Петербург 1997.
- TÜRK 2011: Türk, A. A.: *Die Vorgeschichte der Ungarn und die Archäologie des Saltovo-kulturkreises. Thesen der Dissertation (PhD)*. Szeged 2011.
- VERNER 1988: Вернер, Й.: *Погребальная находка от Малая Перешчепина и Кубрат – хан на болгарите*. София 1988.
- VINNYIKOV–AFANASZJEV 1991: Винников, А. З. – Афанасьев, Г. Е.: *Культовые комплексы Маяцкого селища*. Воронеж 1991.
- VINNYIKOV–PLETNYOVA 1998: Винников, А. З. – Плетнёва, С. А.: *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж 1998.
- VLASZKIN–ILJUKOV 1990: Власкин, М. В. – Ильюков, Л. С.: Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча. *Советская археология* 1990:1 (1990) 137–153.
- WERNER 1984: Werner, J.: *Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren*. München 1984.
- ZALESSZKAJA–LVOVA–MARSACK–SZOKOLOVA–FONYAKOVA 1997: Залесская, В. Н. – Львова, З. А. – Маршак, Б. И. – Соколова, И. В. – Фонякова, Н. А.: *Сокровища хана Кубрата*. Санкт-Петербург 1997.
- ZASZECKAJA 2010: Засецкая, И. П.: Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья. *Археологический сборник* 38 (2010) 123–159.
- ZASZECKAJA–KAZANSZKIJ–AHMEDOV–MINASZJAN 2007: Засецкая, И. П. – Казанский, М. М. – Ахмедов, И. Р. – Минасян, Р. С.: *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 2007.

ÚJ TENDENCIÁK DÉLKELET-EURÓPA 6–9. SZÁZADI NOMÁD NÉPEINEK RÉGÉSZETI KUTATÁSÁBAN

A kelet-európai nomád népek kutatása a szovjet történeti kutatás általános történelemszemléletének következményeként néhány fontos, axiomatikus megállapítást örökölt a szovjet időszakból.

1. Autohtonizmus. A konkrét történeti események körülményeitől függetlenül a vándorlások folyamatai soha nem jártak a korábban ott lakó teljes népesség kiszorításával. Ez alapján a régészeti kultúrák egymásba történő, megszakítás nélküli átfejlődése, illetve tükröződése vizsgálható.

2. A nomád közösségek polietnikussága feltétlenül magában hordozza a multikulturalitást.

3. A történeti korokban a vezető termelő erő mindig a letelepedett népesség volt, mely az adott korszak és térség generális régészeti markereit mindig és döntően meghatározta. Továbbá, hogy a nomádok mindig ebből kölcsönöztek, és erre rá is voltak szorulva.

4. A nomád népek egy új terület elfoglalását és az azon történő masszív megtelepedést követően kivétel nélkül a letelepedés útjára léptek: előbb szállásokat, majd ideiglenes telepeket, végül pedig városokat létrehozva.

Ezekre alapozódott korábban a szovjet időszak valamennyi vezető kora középkori régészének és történészének munkája (M. I. Artamonov, I. I. Ljapuskin, Ny. Ja. Merpert, Sz. A. Pletnyova, A. V. Gadlo, I. A. Baranov stb.).

A Fekete-tenger északi partja menti füves sztyeppéken lakó nomád népek történetében a hun egység 5. századi felbomlásakor feltűnt bolgárok alapvető szerepet játszottak abban, hogy az itt élő népességek a letelepedés irányába mozdultak el. Érdekes, hogy a bolgárokat előbb a szarmaták leszármazottaiként, majd a hun egység történeti-etnikai maradványaként értékelték. A bolgárok a 7. század közepére, Kuvrat idejében az avar fennhatóság lerázásával megteremtették a korai államisághoz szükséges egységet, Magna Bulgariát. A Kazár Kaganátussal foglalkozó régészeti munkákban a bolgárok és az alánok a szaltovói kultúra letelepült népességének többségét alkották a 8–10. században. Mindeközben csekély szerep jutott maguknak a kazároknak a Kaganátusban, pusztán a „parazita vezető réteg” tagjaiként. Ennek analógiájaként említhető, hogy Délkelet-Európa avar és türk megszállásának sem tulajdonított nagy jelentőséget a kutatás.

A régészeti összkép problémái között azonban sokáig nemcsak a kazárok 8–10. századi emlékeinek hiányát említhetjük, hanem például azt is, hogy az 1980-as évekig a magyarok elődei 9. századi vándorlásának semmilyen régészeti emlékét nem ismertük. Ezen túlmenően nem voltak megbízhatóan elkülönítve az 5. század második felére – 6. század első felére tehető nomád régészeti emlékek. A 6. század második és a 7. század első felére keltezhető lelethorizontokat pusztán néhány magányos sír képviselte, míg a 7. század közepétől a 8. század elejéig keltezett, még M. I. Artamonov által elkülönített Perescsepino-kultúrát különböző kutatók egyaránt kötötték a kazárokhoz, bolgárokhoz, illetve türkökhöz. Magna Bulgaria régészeti alapjainak hiánya vezetett ahhoz, hogy alternatív megoldásként a bolgárok régészeti emlékeit a ligetes sztyepp Penkovka- és Volincevo-kultúrájának, a Pasztirszkoje gorogyiscse, illetve az ujjas fibulákkal jellemezhető kincsleletek népességének hagyatékával hozták összefüggésbe, noha azokat a régészek és a szlavisták egyértelműen a korai szlávokhoz kötötték.

Az 1980-as években különítették el az úgynevezett heraldikus stílusú övekkel (magyar terminológiával Martinovka-típus) jellemezhető Szivasovka-lelethorizontot, amelyet – A. K. Ambroz kronológiai rendszere ellenére – R. Sz. Orlov és Somogyi Péter is a Perescsepino-horizontnál korábbra keltezett. Magát a perescsepinói leletgyűttest J. Werner 650 környékére datálta és Magna Bulgaria fejedelmének, Kuvrat temetkezésének határozta meg. Ezzel a keltezéssel kapcsolatban komoly kételyek merültek fel több esetben az A. I. Ajbabin által a Krímből közzétett, zárt leletgyűtteseken alapuló kronológiai rendszer alapján. Ennek ellenére J. Werner hipotézise

nagy népszerűsége tett szert a bolgár történelemmel foglalkozó régészek és történészek körében. A perescsepinoi leletkör bolgárokhoz kapcsolása hozzájárult ahhoz, hogy az 1980-as évek első felében A. I. Szemjonov a 8. századi bizánci pénzekkel keltezett Szokolovszkaja Balka nomád leletkörét a kazárokkal azonosítsa. Még szintén az 1980-as években történt, hogy a Szubbotcy-i, a manvelovkai, majd később a korobcsinói részben elpusztított, részben pedig feltárt temetkezések kapcsán főbb vonalaiban sikerült felismerni és kimutatni a magyarok elődeihez köthető, 9–10. századi sztyeppi temetkezéseket is.

A fent felsorolt kutatástörténeti irányok az 1990-es években aktívan fejlődtek Sz. A. Pletnyova, Bálint Csanád, Raso Rasev, Z. A. Lvova, I. O. Gavritukhin, A. V. Bogacsov, O. M. Prihodnyjuk és más kutatók által.

Az elmúlt 15 évben a délkelet-európai nomádok régészeti emlékeinek kutatási tendenciái az aprólékos kronológia körüli aktív vitákban csúcsosodtak ki. A polietnikus népességhez köthető leletanyagok mikroelemzéseik kapcsán a fázisról fázisra történő beosztás jellemző. Továbbá folyamatos eltávolodás figyelhető meg a kutatásban az etnikai nomenklatúrától és attribúciótól a semlegesebb régészeti lelethorizontok elnevezései felé.

Történeti kitekintésben előtérbe kerültek a sztyeppén végbement migrációs folyamatok, egyre nagyobb figyelem fordult a nomádok által létrehozott államalakulatok felé (Türk és Kazár Kaganátus).

A történeti kutatásban megfigyelhető másik fontos új elem a természetföldrajzi-klimatikus változások vizsgálata és az eredmények aktív felhasználása a történeti folyamatok értelmezésében és értékelésében.

Először ez utóbbiakat, tehát a klimatikus változásoknak a nomád népek történelmére gyakorolt hatásainak kutatásában elért új eredményeket mutatom be, elsősorban a 6–7. századi arid periódus és a kisszámú, a korszakhoz köthető nomád emlékek vonatkozásában, mely a szkíta, a szarmata és az Aranyhorda időszakokkal hasonlatos.

Ezt követően az 5. század végétől a 6. század első feléig keltezhető Lihacsovka-típusú leletkört mutatom be (Lihacsovka, Novo-Podkrjajs, Sztaraja Szarata, Abganerovo), melyekre a hun, illetve késő hun periódussal ellentétben a kurgánba vagy a kurgán alá történő északi tájolású temetkezések jellemzőek, melyekből hiányzik a lócsont, illetve a lószerszám, továbbá a fegyvermellékletek is. A jellemző ékszereken, főleg fülbevalókon mutatkozó jellegzetességek azt mutatják, hogy ez a nomád népesség az Aral-tó vidékéről, illetve a Dél-Urál területéről ered. A Volga-vidéken maradt rokon népességük hagyatéka a Sipovo-típusú leletkör.

A korszak harmadik nagy nomád leletköre jóval északabbra, a mai Voronyezs környékén figyelhető meg (Osztraja Luka, Zsivotyino, Kszizovo), és amely az írott forrásokban szereplő akacirokkal kapcsolható össze. A. M. Oblomszkij kutatásai alapján itt egy az erdős sztyeppi vidéken élő nomád zárványközösségről van szó.

A 6. század második felétől a 7. század kezdetéig a következő lelethorizont a Szuhanovo-típusú leletkör, mely a Fekete-tenger előterében az utigurokkal, míg az Alsó-Volga mentén az ogurokkal hozható kapcsolatba. A leletanyag főként bronzkori és szkíta kori kurgánokba beásott, északi tájolású sírokból kerül elő, mely rokon a lihacsovikai leletkörrel. Ugyanakkor a temetkezési szokásokban a padmalyos és padkás sírok, illetve a koporsók használata a jellemző, valamint a koponyatorzítás szokása. A szuhanovói leletkörre a bizánci csaták széles körű használata a jellemző, főként a Szucsidava-típusúaké. Ez elsősorban az Al-Duna menti bizánci szövetséges *foederati* viszonyal hozható összefüggésbe. A Morszkoj Csulek lelőhelyen feltárt leletek egyértelmű belső-ázsiai kapcsolatokra utalnak, bennük az új, türk divat tükröződik.

A 7. század második felétől a 8. század elejéig keltezhető a Perescsepino-kultúra, melyet főként rituális, szakrális leletegyüttesek és lelőhelyek jellemeznek. Malaja Perescsepino, Voznyeszenka, Kelegej, Novyh Szanzsar, Makuhovka, Limarevka, Pavlovka leletegyütteseit olyan kővel kirakott

emlékhelyek maradványaiként értelmezhetjük, amelyeket a Türk Kaganátusban az Asina-dinasztia szokásai esetében mutattak ki. A leletegyüttesekben bizánci, szászánida és türk-szogd eredetű tárgyakat figyelhetünk meg, mely utóbbiak világosan összefüggésbe hozhatók a kazárok türk eredetével.

A polietnikus Kazár Kaganátus legfontosabb régészeti műveltsége a 8–9. században kibontakozó szaltovói történeti-régészeti egység, mely a Krímtől a Szeverszkij Donyecig lokális variánsok sorát foglalja magába. Ezek közé tartozik a Szokolovszkaja Balka-horizont, és a Novinki-, valamint Ureny-típusú, szinte kivétel nélkül kurgántemetkezéshez tartozó leletek a Volga-vidéken, melyek a korai szaltovói időhorizontba tartoznak. A kazár régészeti probléma azonban a szaltovói történeti-régészeti egységen belül a Szokolovszkaja Balka-horizont elkülönítésével még máig nem megoldott, tekintve, hogy ennek legkésőbbi temetkezései egyelőre nem keltezhetőek a 8–9. század fordulójánál későbbre. Vagyis a 9–10. századi kazár régészeti emlékek továbbra sem állnak rendelkezésünkre.

A magyarok elődeinek a Volga és a Dél-Urál–Káma menti feltételezett régészeti hagyatéka elsősorban olyan kurgán nélküli temetkezésekhez köthető, mint a tankejevukai és a Bolsije Tyigani temető. A halotti maszkokkal, jellegzetes díszítésű aranyozott ezüstveretekkel felszerelt övekkel és lószerszámokkal jellemezhető dél-uráli leletanyagot az 1980-as években sikerült kimutatni először megbízhatóan Ukrajnában a Dnyeper folyó mentén, és amelyet az első temető nyomán manapság Szubbotcy-lelethorizontnak nevezünk. Az elmúlt években az ebbe a körbe sorolható lelőhelyek száma ugrásszerűen megnőtt. A horizontra a kurgán alatti és kurgán nélküli, nyugati tájolású sírok a jellemzőek, időrendjük a 9. század második fele. A lábnál elhelyezett részleges lovastemetkezések, a sírokban előforduló halotti maszkok és ezüstcsészék, illetve a jellegzetes övdíszek a szaltovói történeti-régészeti egységgel időben párhuzamosak. Ugyanakkor volgai, dél-uráli közvetlen eredetük (kusnarenkovói és karajakupovói kultúra) továbbra is egyértelmű, mely az utóbbi évek kutatásai alapján az Urálon túl is kimutatható. A Szubbotcy-horizont (Manvelovka, Dmitrovka, Tverdohleby, Szubbotcy, Korobcsino stb.) régészetileg közvetlen kapcsolatban áll a Kárpát-medence 10. századi, honfoglalás kori hagyatékával is.